читает наизусть Галлеровы стихи. Любовь и благосклонность его к приманьчивым швейцарцам не осталась без награждения; ибо хотя часто веселые мужички смеялись над ним, однако ж нередко бывали и ласковы. Таким образом в одной долине с чистым ручейком, хижинкою, лужком, травкою и прочим набором *сентиментального* положения молодой пастух, по просьбе господина Карамзина, подал ему напиться воды, говоря с улыбкою: «Пей, добрый человек, пей нашу воду». Не отвергнуто было толь удивительное действие природного добросердечия. «Я взял чашку, — говорит наш путешественник, — и естьли бы не побоялся пролить воды, то, конечно, обнял бы добродушного пастуха с таким чувством, с каким обнимает брат брата. — Ах, милые друзья мои! для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!» Таково есть действие стакана швейцарской воды, что господин Карамзин отрицается от всех высоких наук своих и просвещения и хочет возвратиться в первобытное состояние человека! [17] Сие же самое действие помогло ему и во взорах пастуха, когда он отходил, прочитать ясно, что оный от всего сердца желал ему всякого благополучия (том II, стр. 5, 6 и 7); но величайшим сей страны услаждением был Лафатер, которого самолюбию господин Карамзин удовлетворил тем, что обедал у него и купил рукописи, то есть печатные, но не обнародованные сочинения его, которых сей чертогадатель ни под каким видом не хотел обыкновенным образом выпускать в свет, а продавал всякому, кто пожелал их иметь.[18] Он находит Лафатера не токмо превосходнейшим из мужей, но поистине великим человеком, потому что он не читает никогда таких сочинений, в которых его хвалят или хулят; [19] и сердится на собратий наших, издателей *всеобщей немецкой библиотеки* (general german Review), за то, что не понимают определение Ла-

---

ского юноши? На что она ей? Что ж значит в ней сие удивление, с которым смотрит она *то на подарок, то на того, кто подарил, то на жениха своего и не знает, что делать*? Как разобрать сии ее чувства: насмешку ли они изъявляли или благодарность?

[17] Как ни колко здесь насмешливое примечание Англинского рассматривателя, однако ж надлежит признаться, что оное весьма справедливо. Заметим притом, что подобные рассуждения отменно заразительны для слабых умов, которым в сочинениях нужно только согласие звуков, а не основание мыслей.

[18] Напрасно господин Рассматриватель говорит о сем с некоторою издевкою. Причина, для которой, по письмам Карамзина, Лафатер сие делает, весьма похвальна: он собираемые за то деньги употребляет на помощь бедным.

[19] Господин Рассматриватель увеличил сие обстоятельство и дал оному свой собственный оборот. Мысль русского путешественника не имеет той странности, в какую он ее одевает. Вот слова подлинника: «Пфенингер сказывал мне, что Лафатер давно уже поставил себе за правило не читать тех сочинений, в которых об нем пишут: и таким образом ни хвала, ни хула до него не доходит. Я считаю ето знаком редкой душевной твердости; и человек, который, поступая сообразно со своей совестью, не смотрит на то, что думают о нем другие люди, есть для меня великий человек!». Сие последнее рассуждение не имеет в себе ничего странного; но сравнение сделано худо, а потому и заключение выходит ложное: человек, *поставивший себе за правило не читать ничего, что о нем пишут*, не может знать мнения о себе других; почему же он есть тот твердый человек, который *поступает сообразно совести своей, не смотря на то, что другие о нем думают*?